

УДК 94(470.2)“16|17”(045)

С.А. Никонов

БОБЫЛИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В XVII–XVIII ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ КАНДАЛАКШСКОЙ ВОЛОСТИ КОЛЬСКОГО УЕЗДА)*

Рассматривается проблема формирования одной из социальных прослоек крестьянства – бобылей, в Кандалакшской волости Кольского уезда в XVII – начале XVIII в. Особенностью положения бобылей являлось отсутствие в их распоряжении основных средств производства (водных и сенокосных угодий). Фактором, способствовавшим оформлению категории бобылей в Кандалакше, являлась деятельность Кандалакшского Пречистенского монастыря, скупавшего у крестьян угодья. Деятельность монастыря привела к возникновению двух прослоек бобылей – зависимых лично от духовной корпорации и волостных бобылей, ведших самостоятельное хозяйство.

Ключевые слова: монастырь, социальное расслоение, бобыль, крестьянин, Поморье, волость, промысловое хозяйство.

Одна из категорий сельского населения России XVI – начала XVIII в. – бобыли – давно привлекает внимание отечественных специалистов, о чем свидетельствует обширная историография проблемы¹. Исследователи, отмечавшие сложность изучения экономического и социального статуса бобылей, обращали внимание на то, что положение бобылей как отдельной социальной категории крестьянства имело свои региональные особенности. Не было исключением и положение бобылей на Севере России. Так, по наблюдениям ряда историков в этом регионе Московского государства бобыли являлись безземельными крестьянами, выступавшими в качестве арендаторов земли у волостных крестьян и монастырей².

Несмотря на достигнутый прогресс в исследовании проблемы, следует признать, что положение бобылей Крайнего Севера России конца XVI – начала XVIII в. еще не становилось предметом самостоятельного изучения. К сказанному необходимо добавить, что положение крестьянства, система аграрных отношений на Кольском Севере имели ряд специфических черт, выделяющих этот регион среди прочих районов Поморья. Отметим, что здесь сложился особый тип крестьянской волости, экономическую основу которой составляло не земледелие (полностью отсутствовавшее из-за природно-климатических условий), а различные формы промысловых занятий. Не сложилось здесь и крупного привилегированного землевладения, характерного для центральных районов страны.

Насколько нам известно, вопрос о положении бобылей Кольского Севера до недавнего времени в литературе затрагивался лишь однажды, да и то

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №08-01-43102 а/С и правительства Мурманской области.

вскользь, поскольку сама проблема не являлась предметом самостоятельного изучения ученого. Речь идет об исследовании А.И.Копанева системы распределения угодий (луков) в волости Варзуга Терского берега. Исследователь, в частности, обратил внимание на то, что в начале XVII в. в этой общине, наряду с крестьянами, появляется и категория бобылей. Возникновение новой социальной группы историк объяснял действием конкретных социально-экономических процессов: проникавшие в волость монастыри, скупая крестьянские луки, оставляли какую-то часть общины без угодий. Лишенные луков крестьяне переходили в категорию бобылей³.

В последнее время к проблеме бобыльства Поморья в целом и Кольского Севера в частности обратился В.И. Иванов. Обширная и очень глубокая по содержанию и уровню проработки проблемы монография исследователя содержит целый раздел, посвященный монастырским бобылям Кольского уезда. Основное внимание здесь историк уделяет бобылям волости Кереть⁴. В силу ограниченности территориальных рамок и самой постановки вопроса (В.И. Иванов сосредотачивается только на проблеме состава монастырской волости) это исследование не может рассматриваться в качестве полноценного и уж тем более итогового.

Одно из наиболее ранних упоминаний бобылей на Кольском Севере, на которое не обратил внимания А.И.Копанев, встречается в «сотной» грамоте на волость Кереть (Кандалакшский берег Белого моря), составленной писцами Василием Агалиным и подьячим Степаном Федоровым⁵. Волость в то время состояла из 27 крестьянских и 5,5 бобыльских дворов⁶. Из этого же описания выясняется, что до 1574/75 г. с бобыльских дворов не брался оброк в казну. В отличие от крестьян Керети, бобыли не владели в волости никакими угодьями. Основным источником дохода для них служил наемный труд на соляных промыслах и участие в морских навигациях, в качестве судовой команды⁷.

Пониженное социальное положение вынудило бобылей подать челобитную царю с просьбой разрешить им «в реке в Керети рыба ловити и в луковых угодьях промысли, сена косити и на морских тонях и по лесным озером рыба ловити, а с своих бы им дворов давати царю и великому князю тот же оброк, как и с иных дворов и с рыбные ловли с волосными людьми равно»⁸.

Писцы, опираясь на царский указ, удовлетворили просьбу бобылей, распорядившись предоставить им право пользоваться волостными угодьями наряду с крестьянами. Тогда же на бобыльские дворы были возложены подати, аналогичные тем, что взимались с крестьянских дворов⁹.

Из-за отсутствия источников достаточно трудно сказать, в силу каких причин бобыли не имели в волости угодий. Такой фактор, как скупка бобыльских угодий монастырями, исключается по той причине, что Кереть в это время еще не стала объектом активных «стяжаний» монастырей Поморья¹⁰.

После высказанных предварительных замечаний обратимся непосредственно к вопросу о специфике положения бобылей на Кольском Севере, выбрав в качестве объекта исследования волость Кандалакшу Кольского уезда. Выбор объекта исследования во многом продиктован имеющейся в нашем распоряжении источниковой базой. Социальная история Кандалакши сравни-

тельно неплохо обеспечена источниками, основную часть которых составляют различные виды документации Кандалакшского Пречистенского монастыря. Определенно сказать, когда именно был основан Пречистенский монастырь, невозможно из-за отсутствия точных данных источников. По более поздним сведениям (начала XVII в.) известно, что первая жалованная грамота монастырю была выдана Иваном Грозным еще в 1553/54 г.¹¹ Видимо, незадолго до этого времени в Кандалакше и был основан монастырь, призванный стать центром распространения христианства среди коренного населения края – лопарей.

Географически волость Кандалакша (современный город Кандалакша) располагалась в западной части Кольского п-ова на Кандалакшском берегу Белого моря. Волость «стояла» на устье р. Нивы, впадающей в Кандалакшский залив Белого моря. До начала XVII в. волость состояла из двух поселений – Кандалакшской волости и погоста Княжая губа. Последний, чуть позже, оформился в самостоятельную волостную единицу.

Ранние писцовые описания волости Кандалакши, составленные писцом Василием Агалиным и подьячим Степаном Соболевым, до настоящего времени не сохранились. Краткие выдержки из этих описаний приводятся в более поздней писцовой книге Кольского уезда Алая Михалкова, составленной в 1608-1611 гг. При этом необходимо обратить внимание на то, что сама книга Алая Михалкова, так же как и выдержки из более ранней книги Василия Агалина, не содержит описания собственно волости Кандалакши. Все внимание писцов обращено только на Кандалакшский монастырь, его промысловые владения и соляные варницы. Но даже такое отрывочное описание дает возможность увидеть некоторые черты социальной топографии волости.

Кандалакшский монастырь располагался по правому берегу реки Нивы, который условно будем называть «монастырской стороной» волости. На левом берегу реки находилась сама волость Кандалакша. Условно эта сторона поселения будет называться «волостной стороной».

Писцовое описание Василия Агалина, о чем сообщает книга Алая Михалкова, закрепила за монастырем правый берег Нивы («наволоку»), предписав «волостным людям в тот берег не вступатися, лодьям их не приставати и дворов и мельниц на том берегу не ставити и ни которого насильства монастырю не чинити»¹².

К началу XVII в. монастырь владел 18,5 луками угодий в волости. Но, как показывают другие источники, сведения о монастырских угодьях, отмеченные в книге Алая Михалкова, не являются полными. Так, по отрывочным данным описи монастырского имущества, сохранившейся в составе вкладной книги монастыря, и дела о раскладке повинностей между посадскими людьми Кольского острога и населением Кандалакши (крестьянами и монастырем) 1665-1669 гг. становится известно, что за Пречистенской обителью числилось более 40 луков угодий¹³.

Покупая и получая в качестве вкладов угодья волостных крестьян, Пречистенский монастырь, видимо, оставлял какую-то часть общины без угодий вообще, что создавало условия для перехода лишенных своих луков крестьян

в категорию бобылей. Конечно же, такое развитие социальных отношений внутри волости не более чем гипотеза. Гипотетичность предположения вызвана еще и тем, что мы не знаем общего количества луков, находившихся в распоряжении всей волости, включая и монастырь. Согласно одному более позднему источнику – доношению игумена Павла архиепископу Холмогорскому и Важскому Варнаве (от 17 ноября 1724 г.) – известно, что обители принадлежало 20 луков в «морской губе, в реках, и в тонях, да озерах» и 20 луков «сенных покосов при морской губе»¹⁴.

Писцовая книга Алая Михалкова отмечает наличие у монастыря и бобыльских дворов. Кандалакшскому монастырю в то время принадлежало 2 бобыльских двора, в которых жило 5 человек мужского пола (женщин писцовая книга не учитывала)¹⁵.

Отсутствие в писцовом описании Кандалакшской волости и монастыря других упоминаний о бобылях дает основания предполагать, что на тот момент монастырские бобыли были единственными представителями этой социальной категории в волости.

Существенной социальной группой бобыли в Кандалакше стали в 1614–1615 гг. Источники, которые фиксируют новую для волости категорию крестьянства, в той или иной степени отражают те последствия, с которыми столкнулась волость на исходе Смутного времени. Напомним, что осенью 1613 г. казачье войско под командованием атаманов Сидорки и Барышпольца безуспешно пыталось взять Холмогоры¹⁶. После неудачи под Холмогорами казачье войско распалось на отдельные «воровские» отряды, которые разоряли крестьянские волости Летнего и Поморского берегов Белого моря вплоть до начала 1616 г.¹⁷ Не остался в стороне от губительных нападений «воров» и Кандалакшский берег Белого моря. Один из казачьих отрядов совершил нападение и на Кандалакшу, в ходе которого подвергся разорению Пречистенский монастырь. Других известий о том, что какие-либо иные волости Кольского Севера были подвергнуты подобным нападениям «воров», в источниках нет.

На этот «воровской» рейд в историографии обратил внимание, насколько нам известно, только И.Ф.Ушаков. Исследователь при этом опирался лишь на два источника – Двинский летописец и жалованную грамоту Кандалакшскому монастырю царя Михаила Федоровича (20 мая 1615 г.), опубликованную еще в конце XIX в.¹⁸ Используя сведения указанных источников, исследователь датировал этот набег крайне неопределенно, предлагая в разных своих работах неоднозначные хронологические ориентиры. Так, в одной из них И.Ф.Ушаков указывал на 1614 г. как время разорения Пречистенской обители¹⁹, в другой, как следует полагать, историк считал, что Кандалакша дважды подверглась разорению «воровских» отрядов – один раз – в 1613 г., во второй – в 1615 г.²⁰

Ясность в вопрос о времени набега «воров» на Кандалакшу могут внести два источника, не учтенные И.Ф.Ушаковым. Первый из них – это грамота царя Михаила Романова «двинским пятинщикам» (24 марта 1615 г.) с предписанием об освобождении Кандалакшского монастыря от сбора «пя-

тинных денег», опубликованная С.Б.Веселовским²¹, второй – челобитная крестьян Кандалакшской волости (1623/24 г.), хранящаяся в фондах Российского государственного архива древних актов²².

Обратимся вначале ко второму документу – челобитной кандалакшских крестьян. Не останавливаясь подробно на анализе этого источника, отметим, что в нем содержались две основные просьбы крестьян: об освобождении от части подати, которую крестьяне платили за опустевшие дворы, а также о невзимании с них налога «десятой рыбы» с выловленной в реках и озерах волости «мелкие съедомные рыбы»²³. Последняя просьба, как можно думать, относилось к той рыбе, которая крестьянами использовалась для собственного потребления и не предназначалась на продажу.

Первая просьба – освобождение от уплаты подати за пустующие дворы – была мотивирована кандалакшскими крестьянами следующим образом: «Да у нас же, сирот твоих, Кандалакшской волостишки запустело со 121-го году от разорения польских и литовских людей дватцетъ пять дворов крестьянских – люди, государь, посечены и дворы пожжены»²⁴.

Таким образом, опираясь на сведения челобитной, можно говорить о том, что первый рейд «польских и литовских» людей на Кандалакшу произошёл не ранее 1613 г. Разорению при этом подверглась лишь «волостная сторона» Кандалакши, находившийся на другой стороне Нивы Пречистенский монастырь, по всей видимости, серьёзно не пострадал.

О повторном нападении «воров» на Кандалакшу сообщают как жалованная грамота Кандалакшскому монастырю, так и грамота «двинским пятинщикам» Михаила Романова. Согласно жалованной грамоте в 1614/15 г. «приходили к ним (в монастырь. – С.Н.) литовские и немецкие люди и русские воры, и монастырь выграбили...»²⁵.

На тот же 1614/15 г. как время разорения обители указывает и второй источник. Так, по сведениям старца Кандалакшского монастыря Тихона «в нынешнем де во 123-м году о Рождестве Христове приходили де к ним в Поморе воиною литовские люди и черкасы, и монастырь де их вес до основания разорили и выжгли, и крестьян высекли, и соляные промыслы с солю выжгли, и игумена и старцов и слуг мучили и посекли, и казну монастырьскую всю пограбили, и лошади монастырьские все поимали, и хлебные запасы конми вытравили»²⁶.

Два рассмотренных документа не только показывают, что во время второго нападения «воров» пострадал преимущественно Кандалакшский монастырь, но и дают возможность уточнить дату этого нападения. Обращает на себя внимание то, что, согласно второму источнику, нападение на монастырь произошло «о Рождестве Христове», то есть чуть позже окончания праздника. Следовательно, разграбление монастыря может быть отнесено к январю 1615 г.

Если наши рассуждения верны, то следует признать, что Кандалакша дважды подверглась разорению казачьих отрядов – первый раз не ранее 1613 г., второй – в январе 1615 г.

Социальные последствия этих разорений, в частности, а также и тех процессов, которые происходили в Поморье на исходе Смутного времени, в

целом сказались на волости уже тогда, в начале второго десятилетия XVII в. Во-первых, в результате «воровских набегов» на Кандалакшу произошла убыль крестьянского населения волости. Во-вторых, действия казачьих отрядов в Поморье вызвали широкую миграцию населения, вынужденного искать спасения и скрываться от военной опасности на новых местах.

Второй фактор – миграция населения – привел к тому, что уже в 1614-1615 гг. в Кандалакше появилось немалое число выходцев из других городов и волостей Поморья. За этими новопоселенцами уже тогда закрепились социальная характеристика – бобыль.

Количественный состав бобылей, а также и их положение в волости раскрываются в двух жалованных грамотах Михаила Романова Кандалакшскому монастырю. В одной из них, датируемой 15 мая 1615 г., содержатся следующие распоряжения относительно бобылей: «...игумена Селивестра с братьею с нашими тяглыми крестьяны Кандалашские волости поверстал и отделил половину бобылей незгодников, которые живут своими дворами, Кандалашскому монастырю в подмогу, а другую половину тех бобылей отделил в подмогу нашим Кандалашским тяглым крестьяном...»²⁷. В дальнейшем, как следует из распоряжений жалованной грамоты, подобное правило – разделение бобылей «поровну» между монастырем и кандалакшскими крестьянами – должно было действовать и впредь. Так, в жалованной грамоте указывается, что если «иные (бобыли. – С.Н.) учнут приходить и двора свои ставити, тех дворовых новых бобылей Кандалашскому монастырю с нашими тяглыми Кандалашскими крестьяны впредь делити пополам...»²⁸.

Чуть ранее, 11 мая 1614 г., Кандалакшскому монастырю была выдана еще одна жалованная грамота, в которой также шла речь о бобылях. К сожалению, полный текст документа не сохранился, до настоящего времени дошло лишь краткое описание грамоты, составленное для описи монастырской документации в 1742 г.²⁹ Как следует из описания документа, в Кандалакше на момент выдачи жалованной грамоты было «нетяглых людей нелуковиков сорок дворов»³⁰. Грамота предписывала, «чтоб с тех сорока дворов жильцом с промыслов своих и с володений тянуть пополам...». Под последним, несмотря на то что в «пересказе» грамоты не поясняется, с кем должны были «пополам» нести тягло «нелуковики», следует понимать то, что эти сорок дворов делились между монастырем и волостью пополам и должны были участвовать совместно с ними в уплате податей.

Таким образом, приток в волость мигрантов, спасавшихся от разорения Смуты в Поморье, послужил одним из основных источников формирования категории бобылей в Кандалакшской волости. Жалованные грамоты, рассмотренные выше, недвусмысленно говорили о том, что половина живших в Кандалакше бобылей должна была перейти в «пособь» Пречистенской обители. Это создавало благоприятные возможности для приобретения монастырем определенных иммунитетных привилегий по отношению к «приписным» бобылям. Так, в жалованной грамоте от 20 мая 1615 г. Пречистенскому монастырю давалось право «приписных» бобылей «ведати и судити»³¹. И несмотря на то что монастырские бобыли не освобождались от тягла и несения ряда

повинностей (подводная повинность, «корм»), кандалакшским крестьянам было запрещено «в тех бобылей вступать и в Кандалашскую волость ни во что имати с них не велел»³².

Таким образом, в начале XVII в. в Кандалакше возникла категория «приписных», или монастырских, бобылей, которые существенно пополнили количественный состав тех бобылей, что первоначально (по писцовой книге Алая Михалкова) числились за монастырем.

Изучение положения монастырских бобылей Кандалакши сопряжено с выяснением двух следующих вопросов: во-первых, необходимо выяснить количественное изменение состава бобылей до составления первой переписной книги Кольского уезда 1677-1679 гг. и после; во-вторых, вызывает интерес и проблема отношения крестьянской общины к монастырским бобылям, чье положение было несколько отлично от положения основного населения Кандалакши. Имеющиеся лакуны в источниках неизбежно делают гипотетичными ряд последующих наблюдений и выводов.

В 1669 г. игуменом Пречистенского монастыря Иоакимом была подана челобитная царю, в которой содержались обвинения против крестьян волости, пытавшихся «притянуть» в тягло монастырских бобылей. По словам игумена, за монастырем были «бобылишка работные наши людишка, исстари живут на монастырской земли в двунатцати дворишках и работают к монастырю, и к варницам дрова секут, и сена и соль морем возят. И тех наших бобылишков Кандалашские волости крестьяне своим насильством в тягло притягивают и о том ложно бьют челом, а у нас, нищих, без работников у варниц чинитца великая безпромыслица и монастырь наш пустеет»³³. Игумен при этом апеллировал к некоему предыдущему «государеву указу» Алексея Михайловича, закреплявшему бобылей за монастырем, и просил царя разобрать этот конфликт и выдать новую грамоту, защищающую интересы обители от посягательств со стороны волостных крестьян³⁴.

«Государев указ», который упоминает игумен Иоаким, это, по всей видимости, жалованная грамота Алексея Михайловича, выданная монастырю 29 марта 1667 г. Содержание грамоты, как можно судить по ее краткому описанию в описи монастырской документации³⁵, поскольку полный текст документа нам не известен, касалось положения монастырских бобылей. Грамота предписывала «монастыря бобылей колским посацким людем в тягло притягивать и налоги чинить невелено, чтоб украинное богомолие не запустело». В грамоте содержалась и клаузула, согласно которой «будет у них (т.е. у монастыря. – С.Н.) бобылей есть какия торговые промыслы и пашные, и естли в тягле, учинят между ими поверстку»³⁶.

Краткость описания жалованной грамоты не позволяет до конца понять, между кем и кем должно было провести «поверстку» – между монастырскими бобылями и посадскими людьми Кольского острога, или же между монастырскими бобылями и бобылями и крестьянами Кандалакшской волости? Второе предположение кажется вполне вероятным, по той причине, что спустя два года после выдачи монастырю грамоты вновь возник вопрос о разверстке «тягла» между волостью и монастырем.

Челобитная кандалакшских старцев не осталась незамеченной, и в начале сентября 1669 г. последовало предписание от царя Кольскому воеводе И.Я. Эверлакову «осмотреть в писцовых книгах, будет те бобыли за Кандалажским монастырем написаны и живут на их монастырской земле»³⁷. В этом случае воевода должен был «монастырских бобылей Кандалажским крестьяном себе в тягло притягивать и насильства и обид никаких чинить не велел».³⁸

Решение по этому делу, к сожалению, не известно. Но, исходя из сведений челобитной игумена Иоакима, можно предположить, что монастырь продолжал после 1614-1615 гг. по-прежнему рассматривать бобылей, живущих на «монастырской стороне» Кандалакши, как своих «приписных» бобылей. В челобитной называются 12 бобыльских дворов, которые будто бы находились за Пречистенской обителью. У нас, к сожалению, нет данных о том, сколько всего в это время было крестьянских и бобыльских дворов в Кандалакше. Составленная в 1646/47 г. стрелецким головой Леонтием Озарьевым переписная книга Кольского уезда до настоящего времени не сохранилась, что не позволяет полностью решить указанную проблему. Краткие сведения этой книги содержатся в переписи 1677-1679 гг., для которой предыдущая переписная книга послужила «приправочной» при составлении нового описания уезда. По этим сведениям, в Кандалакше было «написано крестьянских девять дворов... да бобыльских шестнатцать дворов...»³⁹. Кроме этого, за монастырем было записано «шесть дворов бобыльских», которые располагались на «белой» монастырской земле⁴⁰.

Бобыльские дворы, как явствует из материалов сохранившихся переписных книг конца XVII – начала XVIII в., располагались как на «волостной», так и на «монастырской» стороне Кандалакши, причем большая часть их находилась именно на «монастырской стороне» волости. Трудно сказать, в каком количественном соотношении были бобыльские дворы на обеих сторонах волости, во время составления переписной книги Леонтия Озарьева. Переписные книги этот вопрос оставляют без внимания.

Не меньше трудностей вызывает и вопрос о том, какие бобыльские дворы имел в виду игумен Иоаким? Все те, что находились на «монастырской стороне», включая и бобылей, живших на «белой» монастырской земле, или же бобыли, чьи дворы стояли на «черной» земле, были исключены из числа 12 дворов? Отсутствие полного комплекса монастырской документации не позволяет дать однозначного ответа на поставленные вопросы. Но если обратиться к такому источнику, как сводные «рописи» о владениях церковных организаций России, составленные во второй половине XVII – начале XVIII в.⁴¹, то можно немного приблизиться к решению этой проблемы.

Данные различных «рописей» были обобщены В.Я. Водарским и И.А. Булыгиным в сводных таблицах⁴². Согласно этим сведениям за Кандалакшским монастырем в 1653-1661 гг. числилось шесть бобыльских дворов, в 1677-1679 гг. – три двора, столько же дворов было за монастырем и по «рописи» 1700 г.⁴³

В промежутке между составлением первой переписной книги Кольского уезда (1646/47 г.), а также первой «рописи» (1653-1654 гг.) и подачей че-

лобитной игуменом Иоакимом (1669) не произошло увеличения «белых» бобыльских дворов Кандалакшского монастыря. Можно думать в таком случае, что к имевшимся за монастырем «белым» бобыльским дворам игумен Иоаким отнес еще какую-то часть бобыльских дворов, стоявших на «черной» земле и, по всей вероятности, располагавшихся на «монастырской стороне» волости.

Если наши рассуждения справедливы, то приходится признать, что монастырь продолжал в течение долгого времени, опираясь на традицию, сложившуюся после Смуты, не только использовать труд бобылей, живших на «монастырской стороне», в своих интересах, но рассматривал эксплуатацию этого труда своим законным правом. Представления монастыря о праве эксплуатации бобыльского труда вошли в противоречие с интересами волости, не желавшей, пусть и незначительного, выхода из «тягла» какой-то части бобыльских дворов.

Обратим внимание еще на одну немаловажную деталь. Среди вкладчиков Кандалакшского монастыря, записанных во вкладную книгу, есть и несколько бобылей. Из шести упомянутых во вкладной книге бобылей трое известны по данным переписной книги 1677–1679 гг. Это – Харитон Онцыфоров сын Головного, Федор Иванов сын Кялмин и Ефрем Пахомов. Все трое проживали на «монастырской стороне» волости. Любопытно, что первого из трех упомянутых бобылей, сделавшего вклад в 1657/58 г., вкладная книга определяет как «бобылек монастырской»⁴⁴. Тем временем сам Харитон, по сведениям переписной книги, жил во дворе старшего брата крестьянина Романа Онцыфорова, не имея, следовательно, прямого отношения к монастырскому хозяйству⁴⁵.

Вновь возвращаясь к конфликту 1669 г., отметим, что он не исчерпывался исключительно «бобыльским вопросом». Из другой челобитной игумена Иоакима становится известно, что кандалакшские крестьяне покушались и на монастырские угодья – «сенные луковые покосишки и тонные и рыбные промыслишка» – отведенные обители еще по описанию Василия Агалина. Так, по словам игумена, кандалакшские крестьяне «своим озорничес(твом) сенные покосы почали переменять и делить ежегод, а как им год доидет нашими сенными покосы и промыслишками владеть и они те пожнишка каменем осыпят и заращовают, и тонные избушки секут и жгут и все разоряют, и сенных покосов и рыбных ловель не строят и пустошат»⁴⁶. Если несколько отрешиться от эмоционального тона челобитной игумена, то необходимо заметить, что крестьяне пытались вернуть монастырские угодья в «режим» совместного общинного владения. Более поздние этнографические наблюдения над условиями пользования водными и сенокосными угодьями Кандалакши, составленные в начале XX в., показывают, что в волости существовала уравнительная система распределения природных ресурсов: каждые 8 лет происходило перераспределение угодий – рыбных тонь и пожен – между крестьянами⁴⁷.

Если между волостью и монастырем еще и существовали какие-то разногласия в бобыльском вопросе после 1669 г., то, считаем, что они должны были быть устранены после составления переписи волости в 1677/78 г. Пе-

реписная книга Льва Секирина четко определяет за монастырем только три бобыльских двора. Остальные бобыльские дворы, располагавшиеся на «монастырской стороне» Кандалакши, входили в общее число бобыльских дворов волости. Высказанное в недавнее время мнение В.И. Иванова о том, что все крестьянские и бобыльские дворы «монастырской стороны» Кандалакши составляли население «вотчины» Пречистенского монастыря, некорректно⁴⁸.

Количество бобыльских дворов за монастырем в последующие годы сохранялось относительно стабильным, хотя переписные книги начала XVIII в. (1710, 1712) фиксируют их незначительную убыль. Переписчиками отмечается, что на «монастырской земле» стояло уже два, а не три, как некогда, бобыльских двора. По «скаске» монастырского келаря Пимена, записанной в переписной книге 1710 г., «в прошлом во 199-м году того монастыря бобыль (Федот Круглой. – С.Н.) з женою и детьми умре...»⁴⁹.

Для рубежа XVII–XVIII вв. заметна не только стабильность численности монастырских бобыльских дворов, но и их населения. Действительно, если количественный и персональный состав бобыльских дворов Кандалакши в этот период претерпевает качественные изменения (о чем ниже), также не всегда существует и преемственность в наследовании бобыльских дворов (от отца к сыну), то ничего этого не происходит с бобылями Пречистенского монастыря. Так, по данным переписи 1677/78 г. на «белой» земле стояло три бобыльских двора, владельцами которых выступали: Федот Круглой, Никула Евсевьев сын Варухин и Дмитрий Иванов сын Деменин⁵⁰. Спустя 30 лет из числа монастырских бобыльских дворов выбыл один двор, а во главе двух оставшихся дворов стояли сын и кто-то из близких родственников прежних владельцев – Федот Дмитриев сын Деменин и Георгий Евсевьев сын Юшко⁵¹.

Преемственность во владении бобыльскими дворами Пречистенского монастыря продолжала сохраняться и позже. Согласно «доношению» игумена Павла о хозяйственном состоянии обители на 1723 г. на монастырской земле по-прежнему продолжали жить Федот Деменин (ему к этому времени было 73–74 года) и сын Георгия Евсевьева – Евтифий Георгиев сын Юшко⁵².

Податной статус монастырских бобылей, как об этом можно судить на основе финансовой отчетной документации кольских воевод конца XVII–начала XVIII в., ничем не отличался от статуса рядовых крестьян и бобылей Кандалакши. Пречистенские бобыли несли те же подати и различные виды повинностей, на которые так было богато время петровских преобразований, что и остальные жители волости. Но это сюжет для отдельного исследования.

Нельзя обойти стороной и такой аспект проблемы, как наличие тесных взаимосвязей между монастырскими бобылями и самой обителью, имевших не обязательно экономическую подоплеку. Наиболее ярко это проявляется в судьбе Дмитрия Деменина. Разные группы монастырской документации – вкладная книга, переписка монастырской администрации с приказчиком Холмогорской службы Кандалакшского монастыря старцем Иоасафом Мельцовым (1660–1661), приходо-расходная книга приказчика Вологодской службы старца Герасима (1680–1681) – дают возможность говорить о том, что этот бобыль входил в состав монастырской администрации. Так, Дмитрий Деме-

нин выполнял обязанности казенного дьячка, также ему давались и различные поручения администрацией монастыря в тех городах, где у обители были территориальные службы⁵³.

Теперь обратимся к тем бобылям Кандалакши, которые не составляли населения собственно Пречистенского монастыря и проживали на «черной» земле волости. Бобыльские дворы, о чем можно судить по переписным книгам конца XVII-начала XVIII в., располагались совместно с дворами кандалакшских крестьян как на «волостной», так и на «монастырской» стороне Кандалакши.

Соотношение крестьянских и бобыльских дворов по переписной книге 1677/78 г., представлено в табл. 1 (подсчет наш). Оговоримся при этом, что в таблицу мы не включаем те дворы, которые располагались на «белой» земле волости. Это относится к дворам местного приходского духовенства и причта – волостного попа и просвирни.

Таблица 1

Волость Кандалакша по переписи 1677/78 года

«Волостная сторона» Кандалакши		
Крестьяне	18 дворов	48,6%
Бобыли	19 дворов	51,3%
«Монастырская сторона» Кандалакши		
Крестьяне	2 двора	16,6%
Бобыли	10 дворов	83,3%

Еще раз напомним, что соотношение дворов бобылей и крестьян в Кандалакшской волости, так как оно представляется по данным переписи 1677/78 г., не было таковым изначально. В более раннем описании волости, составленном стрелецким головой Леонтием Озарьевым в 1646/47 г., отмечается, что «в Кандалакшской волости написано крестьянских девять дворов, а людей в них семнатцать человек и з детми, да бобыльских шеснатцат дворов, а бобылей в них тритцат три человека и з детми...»⁵⁴.

Таким образом, спустя 30 лет после составления первой переписи общее количество крестьянских и бобыльских дворов в Кандалакше увеличилось почти в два раза. Изменилось и соотношение между двумя категориями дворов: от преобладания бобыльских дворов (1646/47 г.) к, напротив, небольшому перевесу крестьянских дворов.

Во дворах кандалакшских крестьян и бобылей проживали различные категории волостного населения, чей экономический и социальный статус не всегда поддается точному определению. Переписная книга использует следующую номенклатуру наименований для социальной характеристики этих лиц: «бобыль», «пришлый человек», «половник» и «нищий». В ряде случаев составители описания ограничиваются простой констатацией факта проживания того или иного человека (иногда с семьей и родственниками) в крестьянском или бобыльском дворе. Приведем один пример. На дворе бобыля

Петра Максимова сына Котова, по сведениям переписной книги, «живут два брата – Пронка да Петрушка Лазаревы дети Мостовиковы»⁵⁵.

Из-за ограниченности объема публикации мы не будем останавливаться специально на вопросе о соотношении этой категории лиц на крестьянских и бобыльских дворах, обойденным останется и вопрос о том, насколько точно отражает социальная терминология переписной книги 1677/78 г. существующие социальные отношения в волости. В недавнее время этот вопрос нашел очень яркое отражение в монографии В.И. Иванова⁵⁶. Наше внимание привлечет только та незначительная группа лиц, проживавших на подворьях крестьян и бобылей, которая в самом источнике определяется как бобыли или «бобыльки».

Согласно данным переписи в общей сложности на дворах крестьян и бобылей Кандалакши проживало 15 бобылей. Из этого числа 7 бобылей жило на крестьянских подворьях («волостная» сторона Кандалакши), 8 – на бобыльских подворьях (4 на «волостной» и столько же на «монастырской» стороне Кандалакши).

Итак, вначале обратим внимание на тех «бобыльков», которые, по всей вероятности, являлись постоянными жителями Кандалакши, имевшими в волости своих близких родственников из числа крестьян и бобылей. Так, на «монастырской стороне» волости во дворе бобыля Мишки Кузмина сына Телятникова проживал «бобылек» Алешка Савин сын Судовиков⁵⁷. На другой стороне Кандалакши – «волостной», – как следует думать, жил его отец, бобыль Савва Иванов сын Судовиков. Вместе с Саввой, по сведениям переписи, на дворе проживало и пятеро его сыновей в возрасте до 10 лет⁵⁸. Таким образом, Алешка Судовиков мог быть старшим сыном в семье Саввы Судовикова и после достижения совершеннолетия начал самостоятельную жизнь в волости.

Новые переписные книги Кольского уезда, составленные в 1710 и 1712 гг., сведений об Алешке Судовикове уже не содержат. Из большого некогда семейства Судовиковых в волости продолжали жить всего двое из пяти сыновей Саввы Иванова – Степан и Евсей Судовиковы⁵⁹.

Обращает на себя внимание и то, что в начале XVIII в. изменился социальный статус одного из представителей «династии» Судовиковых: Степан Судовиков относился уже не к бобылям, а к крестьянам Кандалакши⁶⁰, в то время как брат Степана, Евсей Судовиков продолжал оставаться в социальном статусе своего отца, являясь бобылем⁶¹.

В связи с рассматриваемым вопросом отметим, что в Кандалакше в начале XVIII в. жил еще какой-то родственник вышеназванных братьев Судовиковых, Аввакум Иванов сын Судовиков⁶². Аввакум Судовиков вместе с родственниками (братом и матерью) жил на земском дворе Кандалакши и, как следует из источников, занимал должность сторожа этой избы⁶³. Несмотря на то что земская изба относилась к разряду общественных построек волости и, следовательно, в полной мере не могла принадлежать Аввакуму, тем не менее, этот представитель «династии» Судовиковых относился к категории крестьян Кандалакши.

Родственников в Кандалакше имел и еще один дворовый «бобылек» Прошка Алексеев сын Комар. Прошка Комар проживал во дворе бобыля Евтифия Иванова сына на «монастырской стороне» Кандалакши. Где-то неподалеку от двора Евтифия Иванова сына, как следует думать, располагался и двор Лаврушки Алексея сына Комара⁶⁴. Не будет большой натяжкой, если мы выскажем предположение, что Лаврушка и Прошка приходились друг другу братьями, которые по каким-то причинам не стали вести совместное хозяйство. Обзавестись же собственным двором и хозяйством Прошке так и не удалось, несмотря на то что, по данным той же переписи, у него была своя семья⁶⁵.

Аналогичная «социальная судьба» сложилась еще у трех дворовых бобылей Кандалакши. Речь идет о братьях Иване и Якове Степановых детях Немчиновых и о Демиде Паюсове. Правда, социальное положение братьев Немчиновых в переписной книге никак не определяется, кроме уточнения того, что те «живут» на дворе бобыля Гришки Никифорова сына Лобанова (двор располагался на «волостной стороне»). О Демиде Паюсове сообщается более конкретно, что он «бобылек», который живет на дворе («монастырская сторона» волости) уже упомянутого бобыля Лаврушки Алексея сына Комара⁶⁶.

Позже, когда были составлены новые переписные книги Кольского уезда 1710 и 1712 гг., в Кандалакше уже не было ни братьев Немчиновых, ни Демиды Паюсова. В волости жили их дети. Дворы потомков, что любопытно, располагались все там же, на «монастырской стороне» волости. Так, в одном из дворов жил Борис Иванов сын Немчинов вместе с женой, а в другом проживал Михаил Дементьев сын Паюсов вместе с женой и двумя сыновьями семи и четырех лет⁶⁷. Как видим, номинально сохраняя статус своих родителей – бобыль – сыновья Ивана Немчинова и Демиды Паюсова смогли улучшить свое благосостояние, обзаведясь собственными дворами.

Любопытно социальное положение еще одного «бобылька» Ефрема Пахомова, который проживал во дворе бобыля Кондратия Малчиторова на «волостной стороне» Кандалакши⁶⁸.

Ефрем Пахомов фигурирует в качестве постоянного вкладчика Кандалакшского монастыря. Вклады от Ефрема в монастырскую казну, судя по записям вкладной книги, поступали в разные периоды: с 1673 по 1676/77 г., затем с 1678/79 по 1679/80 г., и наконец, последнее упоминание о вкладе относится к 1682/83 г.⁶⁹ Практически все вклады, переданные в монастырь Ефремом Пахомовым, могут быть отнесены к так называемой «трудовой категории» вкладов. В данном случае вкладом выступали заработанные бобылем деньги («найм»), получаемые от поездок на монастырских ладьях в Холмогоры. При этом вкладная запись не уточняет, какого рода работу выполнял Ефрем во время этих плаваний.

Запись вкладной книги несколько иначе раскрывает социальный статус Ефрема Пахомова, в отличие от данных переписной книги 1677/78 г. Так, Ефрем именуется во вкладной записи «кандалакшаниным...казачком»⁷⁰. Можно предположить, что социальная категория «казачок», используемая в самой Кандалакше для именования бездворовых людей, живших исключительно за счет наемного труда, по каким-то причинам была отвергнута переписчиками.

Вместо нее они предпочли использовать более общее наименование для обозначения этого слоя сельского населения, не располагавшего собственным имуществом и хозяйством, такие как «бобылек» и «пришлый человек».

Некоторые особенности социального положения Ефрема Пахомова раскрывает еще один небезынтересный источник. В фондах Мурманского областного краеведческого музея хранятся две рукописные Миней служебные, которые, как можно судить по специальным записям, были приобретены у Кандалакшского монастыря и дополнили собрание книг волостной церкви Иоанна Предтечи. Приведем интересующую нас запись о покупке одной из Миней полностью – «Куплена сия книга Менея в дом Иоанна Предтечи на церковныя казенныя денги старостою Ефремом Пахомовым сыном, а дано за нее денег два рубля в Кандалакшском монастыре, при игумени Иоасафе и при строители старце Иоасафе во 194 году месяца декабря в 29 день»⁷¹.

Спустя пять лет, в феврале 1690 г., все тот же староста Ефрем Пахомов на церковные «казенные деньги» приобрел из собрания монастырских книг еще одну Минею служебную⁷².

Таким образом, одной из граней социального положения Ефрема Пахомова являлось и представительство в одной из должностей в структуре управления Кандалакшской волости. Должность церковных старост, выступавшая, по сути, контролирующей инстанцией общины за церковным имуществом и расходованием церковных средств, существовала на широком пространстве волостных миров Русского Севера и Сибири⁷³.

Кстати сказать, в случае с Ефремом Пахомовым можно видеть и те источники дохода, которые, по всей вероятности, являлись основой экономического благосостояния дворовых бобылей. Они, как следует думать, состояли из участия в наемном труде на монастырских промыслах (соленой, рыбный) и других видах работ, связанных с обслуживанием нужд Кандалакшского монастыря.

Некоторые из этой же группы дворовых «бобыльков», которые, как представляется, не имели прочных связей с волостью и Кандалакшским монастырем, сохранили свою связь с волостью и в начале XVIII в. Так, на дворе бобыля Кондратия Малчиторова проживали два брата «бобылька» Григорий и Илья Семеновы дети Солодовы. По сведениям переписных книг 1710 г. и 1712 г., в Кандалакше жил, по-видимому, младший брат «бобыльков» Солодовых – Елизар Семенов сын Солодов.⁷⁴ Статус Елизара понизился в сравнении с положением братьев. Переписные книги относят его к категории нищих. И если по данным переписи 1710 г. Елизар еще имел свой двор, то уже в новой переписной книге 1712 г. он выступает в качестве приживальщика на дворе крестьянина Федора Полежаева⁷⁵.

В начале XVIII в. продолжает развиваться процесс количественного изменения в соотношении крестьянских и бобыльских дворов. Основным источником для выяснения социального состава волости служат две переписные книги Кольского уезда 1710 и 1712 гг., составленные воеводой А.В.Матюшкиным. Краткость хронологического промежутка между составлением первой и второй переписной книг может быть объяснена только тем,

что сведения первой из них, а именно книги 1710 г., не являются полными и точными. Выяснение вопроса о причинах неточности сведений переписной книги 1710 г., так же как и вопроса о степени репрезентативности ее данных, требует комплексного исследования, которое, к сожалению, в настоящее время еще не стало предметом самостоятельного изучения⁷⁶.

Рассмотрим общие изменения, которые затронули социальную структуру Кандалакшской волости в самом начале XVIII в., используя материалы обеих переписных книг. Для более наглядного представления о тех расхождениях, которые есть в двух переписных книгах начала XVIII столетия, приведем данные сразу двух таблиц отражающих, социальный состав волости (подсчет наш). Оговоримся, что в расчет не будем принимать дворы приходского духовенства и просвирни, которые находились на так называемой «белой» земле Кандалакши (табл. 2,3).

Таблица 2

Волость Кандалакша по переписи 1710 года

«Волостная сторона» Кандалакши		
Крестьяне	22 двора	100%
Бобыли	0 дворов	0%
«Монастырская сторона» Кандалакши		
Крестьяне	3 двора	13,6%
Бобыли	13 дворов	59%
Нищие	6 дворов	27,2%

Таблица 3

Волость Кандалакша по переписи 1712 года

«Волостная сторона» Кандалакши		
Крестьяне	24 двора	92,3%
Бобыли	2 двора	7,6%
«Монастырская сторона» Кандалакши		
Крестьяне	3 двора	10,7%
Бобыли	20 дворов	71,4%
Нищие	5 дворов	17,8%

Что же осталось без внимания переписчиков в 1710 г.? Сравнительный анализ двух переписных книг в той части, которая касается Кандалакшской волости, показывает, что в книге 1710 г. не учтенными остались: во-первых, значительная часть населения женского пола (прежде всего, дочери и сестры крестьян и бобылей); во-вторых, часть бобыльских дворов; в-третьих, и это самое основное, абсолютное большинство «пришлых людей», проживавших в бобыльских и крестьянских дворах.

Отчасти невнимание к первой категории лиц, проживавших в крестьянских и бобыльских дворах, объясняется теми задачами, которые ставились

перед переписчиками. Что же касается отсутствия в ней данных о «пришлых людях», то это возможно объяснить исключительно «уходом» этой категории населения от податного пресса эпохи петровских преобразований.

Сравнительный анализ двух переписных книг показывает, что в 1710 г. в перепись не попало 120 человек обоего пола, проживавших на крестьянских дворах, и 109 человек, живших во дворах бобылей (включая родственников дворовладельцев).

Как можно видеть из представленных таблиц, переписная книга 1710 г. (табл. 2) оставила неучтенными 2 бобыльских двора на «волостной» стороне и столько же на «монастырской» стороне Кандалакши. Чем вызваны подобные расхождения в сведениях о бобыльских дворах? Детальное знакомство с содержанием двух переписных книг приводит нас к выводу, что отчасти эти несоответствия могут быть вызваны «техническими» неисправностями, обусловленными произошедшими за два года между переписями изменениями состава дворовладельцев волости. Это относится к трем бобыльским дворам, располагавшимся на «монастырской» стороне, во главе которых стояли – Григорий Евсеев сын Суботин, Клим Дмитриев сын Данилов и Евсей Савин сын Судовиков. К началу составления переписи 1712 г. все трое продолжали жить в волости, но при этом поменяли свое местожительство в пределах Кандалакши. Так, Клим Дмитриев и Евсей Савин, продолжая оставаться бобылями, переехали жить на «волостную» сторону⁷⁷. Чем были вызваны эти переезды, судить трудно. Сказать что-то более определенное по этому вопросу можно только относительно Клим Дмитриева сына. Так, по переписи 1712 г. Клим занимал должность волостного старосты⁷⁸. Немногочисленные данные о кандалакшских старостах, сохранившиеся в источниках, и прежде всего в переписных книгах, показывают, что их дворы всегда располагались на «волостной» стороне селения. В таком случае переезд Клим вместе с семьей с одного берега Нивы на другой мог быть вызван именно этим служебным обстоятельством.

Третий из упомянутых выше бобылей – Григорий Евсеев – также подобно двум другим переехал вместе с семьей на «волостную» сторону Кандалакши. Правда, в отличие от Клим и Евсея он не обзавелся на новом месте двором, а стал жить в качестве «приживальщика» во дворе волостного священника Леонтия Иларионова сына⁷⁹.

Исходя из приведенных наблюдений над данными двух переписных книг, можно сделать заключение, что невнимание переписчиков в 1710 г. к двум бобыльским дворам на «волостной» стороне было вызвано не уходом от переписи здешних бобылей, а отсутствием самих бобыльских дворов в это время на правом («волостном») берегу Нивы.

И все же еще два двора – один бобыльский, а второй «нищий», которые известны переписной книге 1712 г., остались неучтенными в предыдущем описании волости. Правда, эти дворы имели одну специфическую черту – они являлись не просто жилыми помещениями, а представляли собою хозяйственные постройки Кандалакшского монастыря. Одна из них, в которой проживал бобыль Петр Павлов сын Ляккома вместе с женой и 3 взрослыми

сыновьями, находилась на реке Канде, где, по сведениям переписной книги, «преж сего» было усолье Печенгского монастыря⁸⁰. Вторая постройка, представляла собой «промышленную заборную» избу, стоявшую «вверх по Ниве реке», в которой жил нищий Андрей Петров сын Шпынев, с женой и двумя малолетними сыновьями⁸¹.

Расхождения данных двух переписных книг о количестве дворов относятся и к дворам нищих Кандакшской волости. Из 6 приведенных в переписной книге 1710 г. сведений о нищих дворах в следующей переписи 1712 г. упоминаются только 5 дворов. Вновь, как и в рассмотренном случае с бобыльскими дворами, «убыль» нищих дворов вызвана не недочетами, присутствующими в переписи 1710 г., а изменениями местожительства дворовладельцев. Так, по переписи 1710 г. известен двор нищего Елизара Семенова сына Солодова. Сам Елизар Семенов сын характеризуется как «увечен»⁸². В следующей переписи упоминания этого двора уже нет, но известно, что Елизар Солодов жил в качестве приживальщика на «подворье» крестьянина Федора Михайлова сын Полежаева. Двор крестьянина располагался на «волостной» стороне, что дает основания утверждать, что незадолго до начала новой переписи Елизар Солодов решил более не вести самостоятельного хозяйства, а вместо этого перейти на положение «приживальщика» к более состоятельному соседу. Здесь же сведения о Елизаре Солодове содержат и одну любопытную деталь: если в переписи 1710 г. нищий Елизар Солодов был записан вдовцом, то в новой переписи волости он предстает женатым человеком, причем супруга – Пелагея Иванова – была значительно моложе самого мужа – ей в ту пору было 22 года⁸³.

Таким образом, в начале XVIII столетия продолжает развиваться та же, отмеченная выше тенденция: сокращается число бобыльских дворов и, напротив, возрастает численность крестьянских дворов Кандакши. Источником пополнения крестьянства волости в том числе были и вчерашние бобыли, известные в таком статусе еще по переписной книге Кольского уезда 1677-1679 гг. Следует полагать, что перемена в социальном положении этой прослойки волостного крестьянства была вызвана какими-то изменениями их экономического состояния. Другими словами, бобыли, перешедшие в статус крестьян, должны были получить доступ к распоряжению волостными угодьями.

Новым в социальной структуре волости стал и такой процесс, как выделение внутри категории бобылей еще одной группы – нищих. Представить уровень экономического благосостояния нищих, так же как и бобылей, достаточно трудно. Косвенно о том, что эта группа находилась на самой низшей социальной планке волости, говорит то обстоятельство, что по сведениям переписных книг на подворьях нищих (за одним исключением) не проживало «пришлых людей».

Не менее серьезными оказались для волости количественные изменения, связанные с «убылью» дворовладельцев, известных по переписной книге 1677-1679 гг., и появлением на их месте новых хозяев крестьянских и бобыльских дворов. Обе переписные книги – 1710 и 1712 гг. – отмечают, что к моменту составления новой переписи «в том селе Кандакши убыло и за-

пустело пять дворов...».⁸⁴ В их числе были два крестьянских (дворы Макара Лукьянова и Родиона Данилова) и три бобыльских (дворы Владимира Гарьюсова, Василия Сямозера и Петра Котова) двора.⁸⁵ Переписная книга 1710 г. фиксирует и общую в количественном отношении убыль населения волости. Так, согласно ее данным «против переписных же книг прошлого 186-го году людей убыло и померло восемьдесят один человек...»⁸⁶.

Сопоставление данных о владельцах крестьянских и бобыльских дворов по материалам переписных книг 1677-1679, 1710, 1712 гг. позволяет увидеть наличие или отсутствие преемственности в распоряжении двором в рамках отдельных семейств. Так, напомним, что по переписи 1677/78 г. в Кандалакше находилось 20 крестьянских дворов, из которых к началу XVIII в. преемственность в распоряжении двором, по нашим наблюдениям, сохранилась только для 9 дворов⁸⁷. Возрастание общего числа крестьянских дворов, что отразилось в материалах переписей 1710 и 1712 гг., происходило в том числе и за счет вхождения в категорию крестьян вчерашних бобылей. Так, по переписи 1677/78 г. известен бобыль Демид Осипов сын Огнев (двор Демида располагался на «волостной» стороне), у которого было два малолетних сына – Афанасий и Иван. Совместно с Демидом во дворе жил и его младший брат Афанасий Огнев⁸⁸. Более поздняя перепись отмечает изменения в социальном статусе старшего сына Демида Афанасия и его дяди Афанасия Огнева. Если Афанасий Демидов сын был крестьянином, жившим совместно с младшим братом Иваном, то Афанасий Осипов сын сохранил статус бобыля, но при этом уже выступал в качестве самостоятельного дворовладельца (двор находился на «монастырской» стороне).

Крестьянином стал, как уже отмечалось, и один из пяти сыновей бобыля Саввы Иванова сына Судовикова – Степан⁸⁹.

Старший сын еще одного бобыля, известного по переписям 1677/78, 1710 и 1712 гг. Фомы Маркова сына Суботина, Федор Суботин⁹⁰ в начале XVIII в. тоже уже входил в категорию крестьян Кандалакши⁹¹.

Если в случае с крестьянами Кандалакши, как уже было показано, одним из путей пополнения этой категории стало вхождение в ее состав «вчерашних» бобылей, то в случае с бобылями подобного явления (вхождение крестьян в число бобылей) не прослеживается. Преемственность в сохранении социального статуса, по нашим наблюдениям, выявляется для 3 из 29 дворовладельцев-бобылей известных по переписи 1677/78 г.⁹² Связь остальных бобылей с прежними дворовладельцами Кандалакши, фиксируемых в переписи 1677/78 г., не прослеживается.

Напомним, что в число дворовых бобылей вошли и сыновья тех бобыльков, которые, не имея своего двора, вынуждены были жить в качестве приживальщиков на крестьянских и бобыльских дворах. Это – Борис Иванов сын Немчинов и Михаил Дементьев сын Паюсов.

На подворьях волостных крестьян и бобылей по-прежнему продолжало жить немалое количество «пришлых людей». Переписная книга 1710 г., как уже отмечалось, «проигнорировав» эту категорию крестьянства, оставила лишь разрозненные сведения о социальном положении «пришлых людей».

Повторная перепись 1712 г. сохранила полные сведения о социальном и количественном составе «пришлых людей». Не останавливаясь специально на этом вопросе, отметим, что переписчики при определении этой категории лиц использовали такие характеристики, как нищий, пришлый или безличное определение, что тот или та «живет» во дворе крестьянина или бобыля.

Бобыльский статус в переписной книге 1712 г. зафиксирован только для двух лиц. Речь идет о Василии Иванове сыне Тагане и Семене Петрове сыне Цыпине. Первый из названных «бобыльков» жил на подворье бобыля Федора Голодного, второй – на подворье бобыля Василия Лазарева, чей двор располагался рядом с предыдущим⁹³.

«Бобылек» Семен Цыпин, по сведениям переписной книги 1710 г., жил на подворье крестьянина Афанасия Демидова сына Огнева⁹⁴. Следовательно, спустя два года Семен Цыпин перебрался на новое местожительство.

Выявить связи этих «бобыльков» с прежним населением Кандалакши, во всяком случае с тем, которое зафиксировано в переписи 1677/78 г., не удастся. Наверное, можно предположить, что сами «бобыльки» или их предки появились в волости уже после составления переписи. Не ясно, почему только в отношении этих двоих переписная книга 1712 г. употребляет определение «бобылек».

Основываясь на материалах переписной книги 1712 г., можно говорить о том, что категория «пришлых людей» была преобладающей именно на бобыльских дворах. Так, по нашим подсчетам, на крестьянских подворьях в общей сложности проживало 96 «пришлых людей», а на бобыльских численность этой категории лиц составляла 105 человек.

Преобладание, пусть и незначительное, во дворах бобылей «пришлых людей», возможно, отражает экономическое состояние этой категории крестьянства Кандалакши. Отсутствие доступа к пользованию угодьями создавало для бобылей необходимость искать различные формы кооперации труда с другими категориями волостного населения, чей социальный статус был ниже их собственного. Разумеется, это всего лишь предположение, которое требует проверки на материалах других волостей Кольского Севера, как синхронных, так и ретроспективных, основывающихся на более поздних источниках второй половины XVIII-начала XIX в.

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, категория бобылей Кандалакшской волости стала социальным новообразованием в начале XVII в., возникшим под воздействием двух факторов – скупки Кандалакшским монастырем крестьянских угодий, предположительно, и в силу значительного притока мигрантов из волостей Поморья после 1615 г. в Кандалакшу. Напомним, что эта часть крестьянства не имела, во всяком случае первоначально, доступа к распоряжению волостными угодьями.

Во-вторых, бобыльское население Кандалакши распалось на две группы: бобылей Кандалакшского монастыря, проживавших на правой («монастырской») стороне волости, и собственно всех остальных бобылей, составлявших значительный процент волостного населения. При этом первая груп-

па бобылей, как мы предполагаем, численно менялась, что было связано с переходом значительной части монастырских бобылей (закрепленных за обителем жалованными грамотами 1614 и 1615 гг.) из-под юрисдикции монастыря под юрисдикцию волости. В итоге к концу XVII в. Пречистенскому монастырю принадлежало только 3 бобыльских двора, из числа которых в начале следующего столетия выбыл один двор.

В-третьих, на протяжении второй половины XVII-начала XVIII в. шёл процесс медленного сокращения количества бобыльских дворов, их вытеснения крестьянскими. Возможно, этот социальный процесс был как-то связан с изменениями в экономическом положении «вчерашних» бобыльских хозяйств, получавших доступ к распоряжению волостными угодьями. Но, вновь оговоримся, что последнее предположение не более чем гипотеза, требующая поиска более веских аргументов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историографические обзоры проблемы см.: Шапиро А.Л. Бобыльство в России в XVI–XVII вв. // История СССР. – 1960. – № 3. – С. 49-52; Сахаров А.Н. Эволюция категории крестьянства в XVII в. (Критико-историографический очерк) // Вопросы истории. – 1965. – № 9. – С. 51-56.

² Островская М. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. – СПб., 1913. – С.78,79. Отметим, что современным исследователем В.И. Ивановым выделяются и другие критерии особенностей социального положения бобылей Поморья, которые также имеют локальный характер и варьируются в зависимости от разных условий. См.: Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: Механизм становления крепостного права. – СПб., 2007. – С. 201-205.

³ Копанев А.И. Неземледельческая волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сборник статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. – Л., 1967. – С.189.

⁴ Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья... – С. 205-213.

⁵ Сборник грамот Коллегии экономии (далее – Сб. ГКЭ). – Л., 1929. Т. 2. – № 138. – Стб. 451–461.

⁶ Там же. – Стб. 453.

⁷ Там же. – Стб. 452.

⁸ Там же. – Стб. 452–453.

⁹ Там же. – Стб. 453.

¹⁰ В волости в 1574/75 г., согласно тому же описанию, угодьями располагал только Соловецкий монастырь, которому принадлежало 7,75 лука угодий, две соляные варницы, две мельницы и две оброчные тони. См.: Сб. ГКЭ. Т. 2. – №138. – Стб. 455, 458,459.

¹¹ Жалованная грамота Ивана Грозного Кандалакшскому монастырю до настоящего времени не сохранилась. Более того, можно говорить о том, что этот документ был утрачен уже в XVII в., поскольку эта жалованная грамота не упоминается и в описи монастырской документации, составленной в 1742 г. Документ упоминается в двух источниках – жалованной грамоте Кандалакшскому монастырю Михаила Романова (20 мая 1615 г.) и в челобитной кандалакшского игумена Селивестра (1624 г.). См.: Русская историческая библиотека (далее – РИБ). – СПб., 1875. Т. 2. – №170.

– Стб. 687; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 141. Оп. 1. Д. 231. Ч. 1. – Л. 22.

¹² Выписка из писцовой книги Алая Михалкова 116, 117, 119 гг. (далее – Писцовая книга) // Харузин Н.Н. Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта. – М., 1890. Прил. 2-е. – С. 460.

¹³ Архив С.-Петербургского института истории РАН (далее – СПб. ИИ РАН). Колл. 115. № 900. – Лл. 230, 231 об.; Грамота 1697 г. // Харузин Н. Русские лопари. Приложение 1-е. – С. 404.

¹⁴ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). – Ф. 1025. – Оп. 5. – Д. 442. – Л. 1 об.

¹⁵ Писцовая книга. – С. 460.

¹⁶ Архангельский край в Смутное время / под ред. Н.А. Голубцова. – Архангельск, 1913. – С. 11–19.

¹⁷ Орлов Н. Смутное время (начало XVII в.) и Русский Север // Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера. – Архангельск, 1913. – № 4. – С. 178, 179.

¹⁸ РИБ. – Т. 2., № 170. – Стб. 686–693.

¹⁹ Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время: Историко-краеведческий словарь. – Мурманск, 2001. – С. 46.

²⁰ Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Т. 2. Кольский Север в досоветское время. – Мурманск, 1998. – С. 343.

²¹ Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. – М., 1908. Приложение. № 36. – С. 135–136.

²² РГАДА. – Ф. 141. – Оп. 1. – Д. 231. – Ч. 2.

²³ Там же. – Л. 342, 343.

²⁴ Там же. – Л. 343.

²⁵ РИБ. – Т. 2, № 170. – Стб. 687.

²⁶ Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег... Приложение. № 36. – С. 135.

²⁷ РИБ. – Т. 2, № 170. – Стб. 691, 692.

²⁸ Там же. – Стб. 692.

²⁹ Описание жалованных грамот Кандалакшского Пречистенского монастыря было составлено в сентябре 1742 г. в связи с припиской монастыря к Соловецкой обители и передачей ей всех документов и имущества приписанного монастыря.

³⁰ СПб. ИИ РАН. Колл. 115. – № 20. – Л. 3 об.

³¹ РИБ. – Т. 2, № 170. – Стб. 692.

³² Там же.

³³ РГАДА. – Ф. 141. – Оп. 4. – Д. 265.

³⁴ Там же.

³⁵ Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 115. – № 20. – Л. 4 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. – Л. 2–2 об.

³⁸ Там же. – Л. 2 об.

³⁹ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 15056. – Л. 35.

⁴⁰ Там же. – Л. 38.

⁴¹ Об этом виде источника, а также и о степени репрезентативности данных «росписей» см.: Водарский Я.Е. Церковные организации и их крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. // Историческая география России XII – начала XX в.: Сб. ст. к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного. – М., 1975. – С. 70–78.

- ⁴² Водарский В.Я. Церковные организации и их крестьяне...; Булыгин И.А. Монастырские крестьяне в России в первой четверти XVIII в. – М., 1977.
- ⁴³ Водарский В.Я. Церковные организации и их крестьяне... – С.84; Булыгин И.А. Монастырские крестьяне... – С. 50.
- ⁴⁴ Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 115. – № 900. – Л. 186.
- ⁴⁵ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 15056. – Л. 29.
- ⁴⁶ РГАДА. – Ф. 141. – Оп. 4. – Д. 265. – Л. 4.
- ⁴⁷ Никольский В.В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сороки – Кандалакша): По материалам исследования летом 1921 года. – М., 1927. – С. 71, 76.
- ⁴⁸ Иванов В.И. Монастыри и монастырские владения XVII в. в Кольском уезде // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 г. Памяти профессора А.А.Преображенского. – М., 2007. – С. 270. Табл. 2. – С. 276.
- ⁴⁹ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 21. – Л. 34 об.–35; – Д. 122. – Л. 9.
- ⁵⁰ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 15056. – Л. 36 об.
- ⁵¹ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 21. – Л. 34.
- ⁵² ГАОО. – Ф. 1025. – Оп. 5. – Д. 327. – Л. 2.
- ⁵³ В качестве казенного дьячка Дмитрий Деменин упоминается в одной из записей вкладной книги, датированной августом 1659 г. По сохранившейся прихода-расходной книге приказчика Вологодской службы Кандалакшского монастыря старца Герасима (1680/81 г.) известно, что Дмитрий Деменин являлся одним из членов этой службы, находясь в статусе казенного подьячего (См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Q. IV. №364. – Л. 23, 24). Сюда же, на Вологду, Дмитрием Демениным была привезена и кабала на кандалакшского крестьянина Максима Федотова сына Третьякова (Там же. – Л. 9).
- ⁵⁴ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 15056. – Л. 35.
- ⁵⁵ Там же. – Л. 30.
- ⁵⁶ Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья... – С. 195–198.
- ⁵⁷ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 15056. – Л. 32 об.
- ⁵⁸ Там же. – Л. 31 об. Следует думать, что возраст в данном случае был условным, что называется данным «на глаз».
- ⁵⁹ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 21. – Л. 30; – Д. 20. – Л. 96, 100 об.
- ⁶⁰ Там же. – Д. 21. – Л. 30; – Д. 20. – Л. 100 об.
- ⁶¹ Там же. – Д. 20. – Л. 96.
- ⁶² Там же. – Д. 20. – Л. 30; – Д. 21. – Л. 100 об.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 15056. – Л. 33 об.
- ⁶⁵ Там же. – Л. 34.
- ⁶⁶ Там же. – Л. 31, 33 об.
- ⁶⁷ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 21. – Л. 32; – Д. 20. – Л. 106 об.
- ⁶⁸ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 15056. – Л. 31 об.
- ⁶⁹ Там же. – Л. 215, 216.
- ⁷⁰ Там же. – Л. 215.
- ⁷¹ Из фондов Мурманского областного краеведческого музея (далее – МОКМ). – ОФ–3965. Пикр-3. – Л. 415.
- ⁷² Из фондов МОКМ. – ОФ–4425. Пикр-4. – Лл. 12, 14.
- ⁷³ Одно из последних исследований проблемы церковных старост принадлежит П.С.Стефановичу. См.: Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. – М., 2002. – С. 271–278. Подробная библиография проблемы со-

держится в монографии Т.А.Бернштам. См.: Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. – СПб., 2007. Прим. 56. – С. 23.

⁷⁴ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 21. – Л. 32; – Д. 20. – Л. 101.

⁷⁵ Там же. – Д. 20. – Л. 101.

⁷⁶ Вопрос о переписных книгах 1710 и 1712 гг. в историографии возникал лишь эпизодически. См.: Колесников П.А. Писцовые и переписные книги как источник для изучения миграции поморского населения в XVI – начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. – Вологда, 1970. – Вып. 1. – С. 186; Кучинский М.Г. Социальная организация саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв.: Источники и методы реконструкции: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – С. 46,47. Любопытно, что такой знаток истории Кольского Севера, как И.Ф. Ушаков, в популярных работах, посвященных источниковедению края, ни разу не упоминает об этих двух переписных книгах. В то время как переписная книга Льва Секирина присутствует в перечне источников по истории Кольского Севера, даваемом исследователем. См.: Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Т. 3. Кольская старина. – Мурманск, 1998. – С. 421,422.

⁷⁷ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 20. – Лл. 96–96 об., 97.

⁷⁸ Там же. – Л. 97.

⁷⁹ Там же. – Л. 96.

⁸⁰ Там же. – Л. 107.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. – Д. 21. – Л. 32.

⁸³ Там же. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 20. – Л. 101.

⁸⁴ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 21. – Л. 33; Там же. – Д. 20. – Л. 108.

⁸⁵ Там же. – Л. 33.

⁸⁶ Там же. – Д. 21. – Л. 33–33 об.

⁸⁷ Так, в начале XVIII в. в Кандалакше жили следующие потомки крестьян середины – второй половины XVII в. (В скобках указываем имена крестьян, известных по переписи 1677/78 г., в том случае, если в волости жили их сыновья, а самих крестьян в живых уже не было.) Это – Савва Михайлов сын Пушкарев (Михаил Григорьев сын Пушкарев), Иван Осипов сын Посников (Осип Фомин сын Посников), Степан Петров сын Шпынев (Петр Шпынев), Федор Козмин сын Майков, Артемий Савин сын Кирмуев (Савва Гаврилов сын Кирмуев), Илья Федоров сын Корташев, Дмитрий Леонтьев сын Губин (Левка Евдокимов сын Губа), Филька Федоров сын Кялмин, Иван Ефимов сын Пахомов (Ефим Пахомов).

⁸⁸ РГАДА – Ф. 1209. – Оп. 1 – Кн. 15059. – Л. 30–30 об.

⁸⁹ Там же. – Л. 31 об.

⁹⁰ РГАДА. – Ф. 1209. – Оп.1. – Кн. 15059. – Л. 30 об.

⁹¹ Архив СПб. ИИ РАН. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 21. – Л. 30.

⁹² Это следующие бобыли – Афанасий Осипов сын Огнев, Григорий Никифоров сын Лобанов, Алексей Ипполитов сын Капшаков.

⁹³ Там же. – Л. 103–103 об.

⁹⁴ Там же. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 21. – Л. 29 об.

Поступила в редакцию 21.01.08

S.A.Nikonov, candidate of history, associate professor

The bobylys of the Kola North in the XVIIth-XVIIIth centuries

(based on the materials of the Kandslaksha volost of the Kola district)

The article deals with the formation of one of the social peasantry strata – bobylys (poor landless peasants) – in the Kandalaksha volost of the Kola district in the XVIIth-early XVIIIth centuries. The peculiarity of their position was the absence of the basic means of production (water resources and hayland). The activity of the Kandalaksha Prechistensky Monastery that bought peasants' land was a factor favouring the formation of the category of bobylys in Kandalaksha.

The activity of the monastery resulted in two strata of bobylys coming into existence: 1) bobylys personally dependent on the spiritual corporation; 2) volost solitary men who had independent facilities.

Никонов Сергей Александрович, к.и.н., доцент

ГОУВПО «Мурманский государственный педагогический университет»

183038, Россия, г. Мурманск,

ул. Капитана Егорова, д.16.

E-mail: snikonov@nm.ru